

Спектакль «Заповедник» по повести С. Довлатова в «Студии Театрального Искусства»

У меня дома есть тот самый трехтомник Сергея Довлатова, который готовил к изданию Андрей Арьев, а иллюстрировал Александр Флоренский — первое собрание сочинений Довлатова, вышедшее в России. Издание «Лимбус-Пресс» 1995 года. Вернее, у меня второй тираж этого трёхтомника. Всего тиражей было три общим количеством более 150 тысяч экземпляров — немыслимый успех! Четверть века назад восемнадцатилетняя я привезла книги Довлатова из Питера, читала взахлёб, хотя нынче совсем не уверена, что понимала тогда их глубину и значимость. Скорее, отдавала дань моде и кажущейся легкости фактуры материала. Скользила по поверхности — афоризмы, анекдоты, каламбуры... почти фольклор. Понимание и подлинная привязанность пришли позже. Перечитала за жизнь не один раз.

И «Заповедник», конечно, одно из любимых произведений. Действие повести происходит в середине 70-х годов прошлого века. Писатель Борис Алиханов после развода приезжает работать в Пушкинские горы, чтобы поправить своё финансовое состояние, да и в целом преодолеть творческий и человеческий кризис. Решить для себя вопрос о возможной эмиграции.

Мой взгляд непременно цепляется за название «Заповедник» на афишах, память услужливо подсовывает цитаты. «...тут все гораздо сложнее. Тут уже не любовь, а судьба...» Афиши манят. Противостоять им невозможно, хотя разум упорно твердит: не ищи прозу на сцене. Проза — не драматургия, и потому ей на сцене мало места. Хорошие инсценировки случаются, но редко. Разум, безусловно, прав, но... я непременно спешу на спектакль.

Сейчас постановки «Заповедника» идут сразу на двух известных театральных сценах Москвы. Четыре года назад «Заповедник» поставил Сергей Женовач в «Студии театрального искусства», и спектакль еще продолжает свой жизненный цикл, а в нынешнем сезоне случилась премьера «Заповедника» в Московском драматическом театре им. А.С. Пушкина, постановка актера и режиссера Игоря Теплова. Не стоит забывать, что в 2018 году была еще и кинопремьера — режиссер Анна Матисон сняла фильм «Заповедник» с Сергеем Безруковым в главной роли. Несмотря на то, что я планирую рассказать именно о театральных версиях «Заповедника», «прочтению» Анны Матисон необходимо уделить внимание. Мне кажется, оно имеет много общих черт с постановкой Теплова. Заметим сразу, все три режиссера сами написали инсценировки повести Сергея Донатовича. Никому этот важный труд не доверили.

Что же заставило режиссеров обратиться к прозе Довлатова и попытаться перенести её на театральную сцену или широкий экран? Полагаю, первым мотивом явилась ее актуальность в сегодняшнем дне. Собственно, характерная черта любой талантливой прозы. Эпоха позднебрежневского застоя легко транспонируется на современность. Анна Матисон так и вовсе, не мудрствуя лукаво, перенесла действие картины в наши дни. (Фильм, кстати, получился слабым, провальным, но вот осовременивание среды обитания главного героя, на мой взгляд, удалось, несмотря на всю карикатурность изображенного. Никакой фальши при просмотре я не ощутила.) Вторым мотивом, вероятно, явилась обманчивая легкость и фольклорность текстов Довлатова. «Сценичность» — как выразился сам Сергей Женовач. Но именно эта черта прозы Довлатова одновременно делает ее невероятно сложной. Талант писателя в том и состоит, что ему удается балансировать на тонкой грани, когда в темном, шатком, часто похмельном мире гармония достигается ироничным и добрым взглядом на окружающую действительность. Гармония удерживается иронией, но не перенасыщается ей. Не превращается в пустопорожний повод поржать. Мир главного героя «Заповедника» Бориса Алиханова остается призрачно-тревожным и тоскливым.

Очень хорошо об этой черте творчества Довлатова писал Бродский: «Он (Довлатов, прим. автора) замечателен в первую очередь именно отказом от трагической традиции (что есть всегда благородное имя инерции) русской литературы, равно как и от ее утешительного пафоса. Тональность его прозы — насмешливо-сдержанная, при всей отчаянности существования, им описываемого.» (Иосиф Бродский. «О Серее Довлатове»: журнал «Звезда», N 2, 1992.)

Сергей Женовач пытался пойти в постановке «Заповедника» напрямую. Создать на сцене трагическое полотно одиночества. Сконцентрировать внимание зрителя на герое. Поместить его в буквальном смысле в застойное, неподвижное пространство. Пространство, в котором действие будет долго и тяжело тянуться, как искусственный каучук, а потом и вовсе (вопреки законам физики) потонет. Благо, было в чем! Художник Александр Боровский создал на сцене настоящий омут и ведущие к нему на авансцену мостки, а выше, перпендикулярно им, из кулисы в кулису еще один мост. Вместе они создают два непересекающихся пути. По верхнему мосту ходят женщины. По нижним мосткам — мужчины. И лишь однажды за все трехчасовое действие женщина попытается переступить границу «мужской» территории — бывшая жена Таня (актриса Катерина Васильева) придет навестить Бориса (Сергей Качанов) в Заповедник. В основном герой находится на сцене один, сам с собой рассуждает, периодически к нему выходят другие действующие лица, вступают в диалог, но затем вновь его покидают.

Я долго не могла сформулировать себе, что пошло не так. Казалось бы, это хорошо, что Женовач не пытается сделать из повести политического фельетона, а рассказывает лирическую историю. Но в этой истории актер Сергей Качанов отлично справляется с ролью алкоголика и не справляется с лирической составляющей. (К слову сказать, у Павла Баршака, играющего Бориса Алиханова в Театре им. Пушкина, получается ровно наоборот.) Казалось бы, Женовач максимально сохранил авторский текст. Но статичность сценического действия приводит к тому, что ритм спектакля неуклонно падает, вгоняя зрителя в дрему. Его будят яркими платьями героинь, а то и вовсе пением романсов на стихи Пушкина, но толку мало. Можно смело закрыть глаза и просто слушать происходящее, как радиоспектакль, — ничего не потеряешь.

«Любить публично — скотство!» — кричит главный герой, и чтобы убедительно доказать это и не оставить зрителю шанса на иное мнение, героини по очереди начинают читать стихи Пушкина. Дрема для меня сменилась отчаянным желанием покинуть зал. Я сильно пожалела, что не купила у грузной, грудастой продавщицы в фойе и заблаговременно не приняла в себя стакан бочкового вина. (Вино, продавщица, музыка ВИА 70-х перед началом спектакля были призваны создавать для зрителя атмосферу тех лет. Провести премедикацию.)

Разлом спектакля в «СТИ» случился именно на уровне трактовки повести. Довлатовские слова, которые не желал порезать режиссер, вязли в статичности происходящего на сцене. Бесконечные эпизоды распития спиртного при всей их

Спектакль «Заповедник» по повести С. Довлатова в Театре им. Пушкина

красочности и достоверности исполнения артистами не несли меседжа. Не спасали даже очень хорошие актерские работы. Особенно хочу выделить Никиту Исаченкова. Его майор Беляев меня сильно порадовал в конце действия. Я было даже взбодрилась, но исправить впечатление в целом это не помогло. Невероятно, но факт — искрометный текст Довлатова в постановке Сергея Женовача звучит скучно.

Вот почему мне не показался излишним карнавал, устроенный на сцене Игорем Тепловым.

Самое время цитировать литературного критика Марка Липовецкого: «Довлатов объединяет своих героев абсурдом, делает его основой порядка, и эта вездесущая алогичность парадоксальным образом делает мир понятнее и безопаснее». (Марк Липовецкий, «И разбитое зеркало. Повторяемость неповторяемого у Довлатова»: издательство «Звезда», 1999)

В этом смысле Анна Матисон и Игорь Теплов, прежде чем взяться каждый за свой «Заповедник», будто посмотрели один на двоих сон. В результате у Матисон Борис Алиханов оказался на территории парка развлечений «Pushkin world», а у Теплова — практически в пионерском лагере (неумолимо напоминающем сцены из кинофильма «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен»). И обе эти территории наполнены абсурдом до отказа. В фильме Матисон мы ви-

дим футболки и карамельки с профилем поэта, в спектакле Теплова — перетаскиваемый с места на место бюст Пушкина или его портрет, а войлочные бакенбарды — так и вовсе одни на всех. Кислотные цвета костюмов, алогичность под звуки ВИА, маразм с человеческим лицом экскурсоводов и туристов.

Есть еще одна общая у обеих трактовок деталь. Оба режиссера вставляют в действие флэшбэки. Теплов вообще вводит молодого Алиханова (Федор Левин), как полноценного героя, с которым спорит и конфликтует Алиханов из настоящего времени (Павел Баршак). Между ними даже случится дуэль. Этот простой прием, на самом деле, спасает действие. Выводит внутренний конфликт Бориса на поверхность. Многим такое решение не понравится и покажется примитивным. Но повесть, написанная в виде внутреннего монолога, получила таким образом внятную драматургическую основу кроме хождения из угла в угол сцены и распития спиртного.

Эпизодов с выпивкой все равно неминуемо много, пьянству предаются почти все герои Довлатова, и тему эту надо отрабатывать. Репетировать, простите, за мою прямоту. Ощущение, что за время карантина артисты Театра им. Пушкина забыли, как выглядят пьяные люди. Помнит только Владимир Майзингер, исполняющий роль Михаила Сорокина, у которого Алиханов снимает комнату. Но Владимир Майзингер и без того бесспорно украшает своей работой спектакль. Еще его украшают нелепые фигуры Митрофанова (Алексей Рахманов) и Потоцкого (Александр Анисимов).

Но больше всего, пожалуй, в моих глазах украшает этот «Заповедник» отсутствие у молодого режиссера страха показаться банальным. Трагикомичность жизни в «Заповеднике», являющемся метафорой жизни целой страны, передана легко и ярко. Без натуги, пафоса, а главное, злобы. Сохранена довлатовская любовь и внимание к маленьким людям, населяющим его прозу. Возможно, получилось чуть шумновато. Чуть бьет по глазам, чуть напоминает самодеятельность, но все это кажется простительным.

«Взгляните на меня с любовью!» — восклицает главный герой Борис Алиханов буквально на второй странице повести, и Игорь Теплов со всей командой спектакля так и смотрят на него. И на «Заповедник». И на писателя Довлатова. И друг на друга.

Это невозможно не заметить и не оценить.

Фотографии взяты из интернета